

X 79 - 4

ЕЛЕНА
ХОРИНСКАЯ

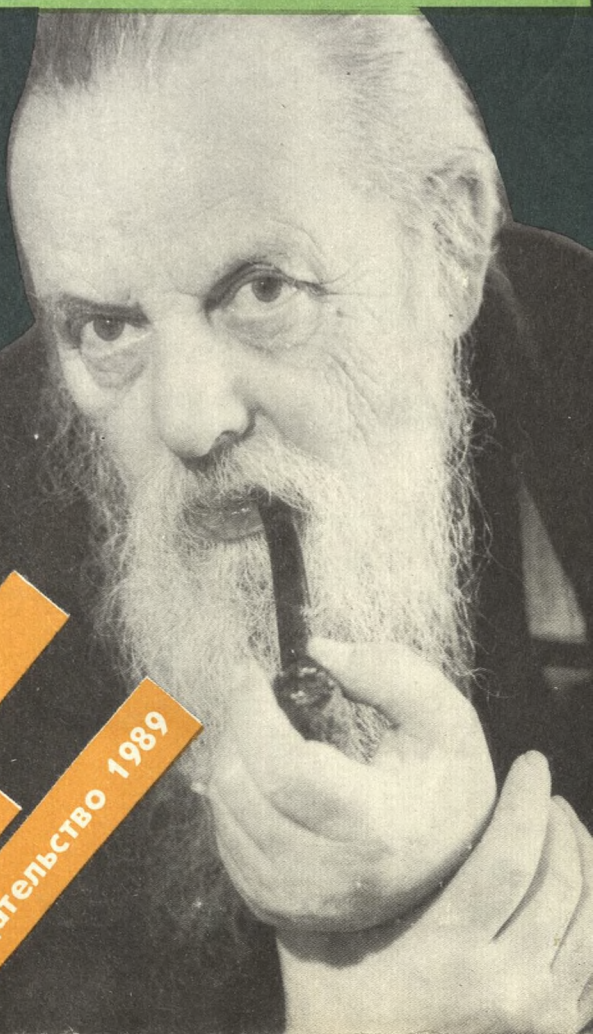
Наш

Бажков

Средне-Уральское
книжное

издательство 1989

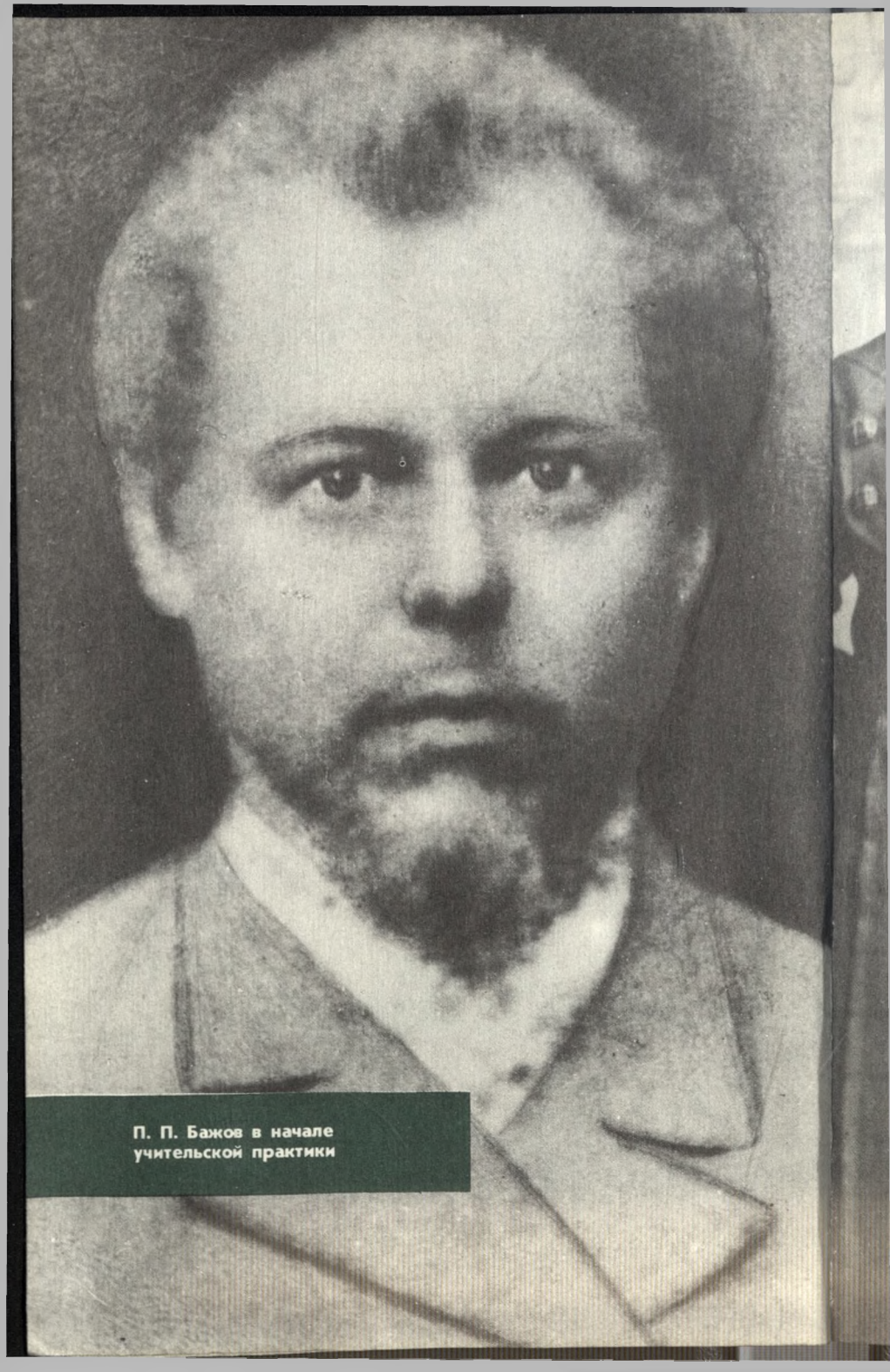

4-85

Павел Бажов в годы учебы
в Пермской духовной семинарии

П. П. Бажов в начале
учительской практики

П. П. Бажов с матерью
Августой Степановной
и женой Валентиной
Александровной, 1912 год

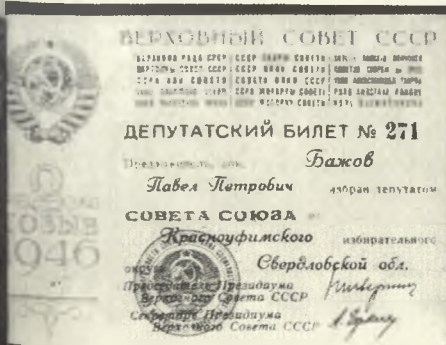
Павел Бажов — красногвардеец,
1918 год

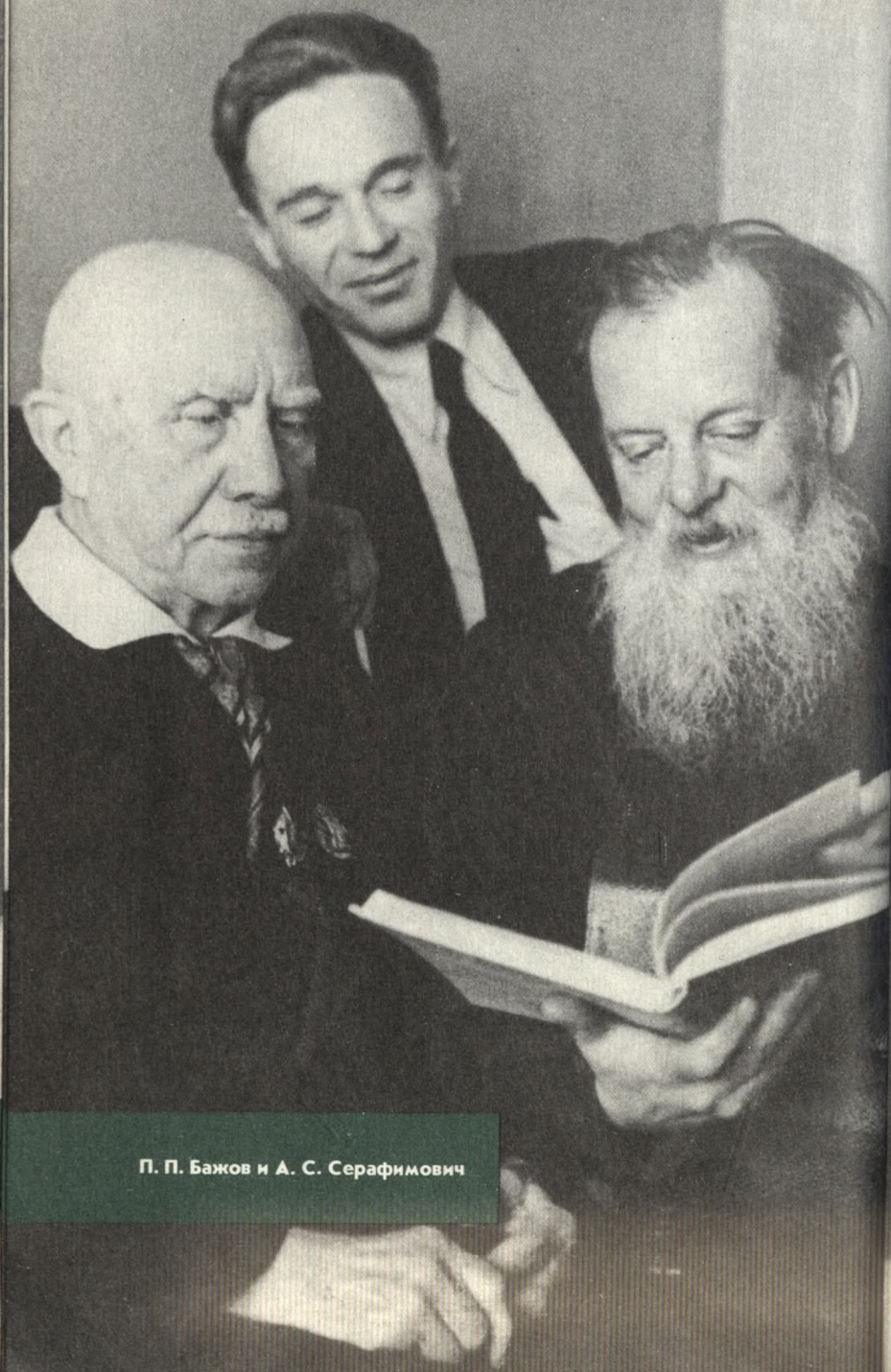
ВЕДУЩИЙ ОТДЕЛОМ
КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСЕМ

П. П. Бажов в редакции
«Крестьянской газеты»
с селькорами, 1925 год

Депутатский билет писателя

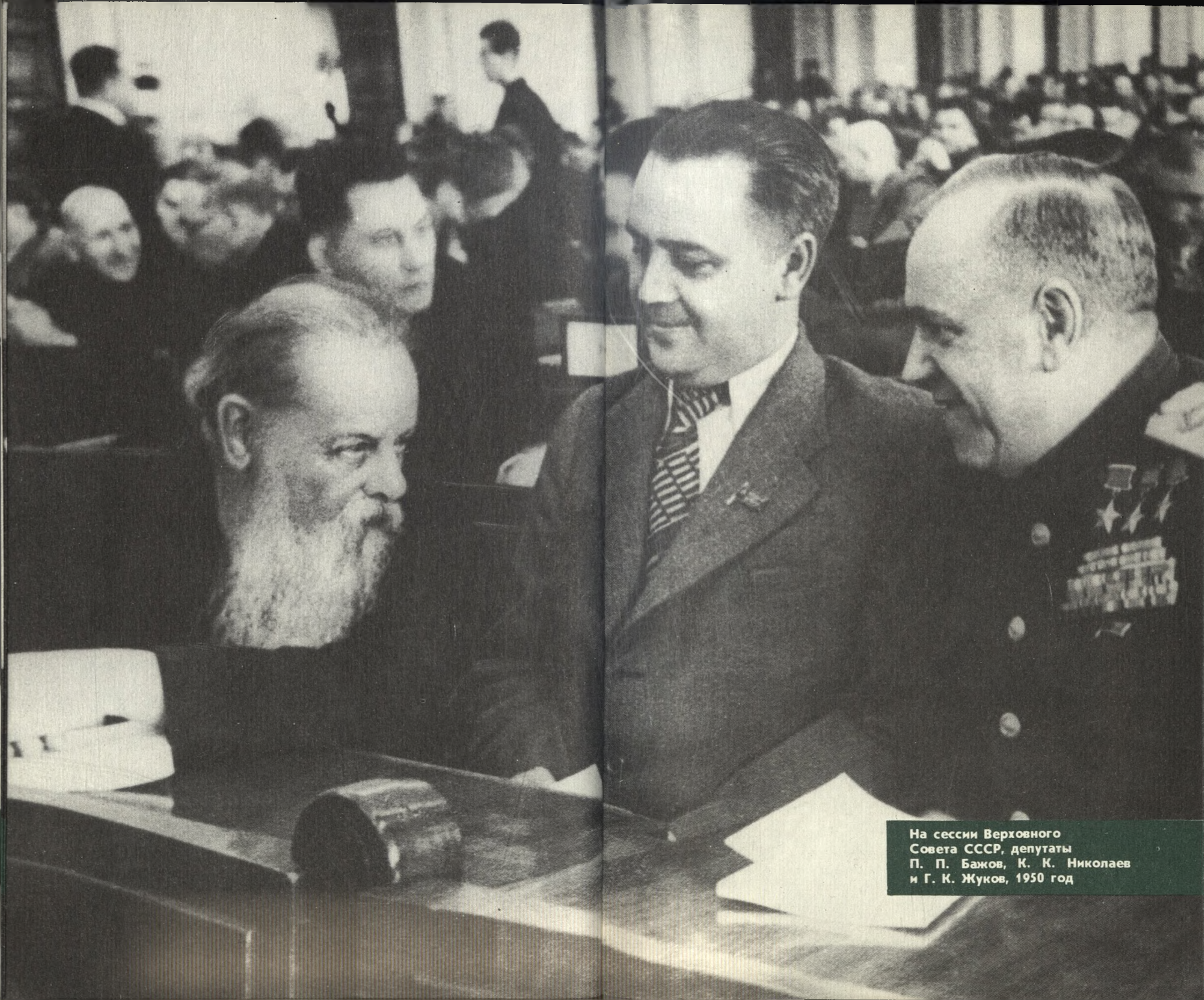

П. П. Бажов и А. С. Серафимович

П. П. Бажов с украинским драматургом Александром Корнейчуком, 1950 год

На сессии Верховного
Совета СССР, депутаты
П. П. Бажов, К. К. Николаев
и Г. К. Жуков, 1950 год

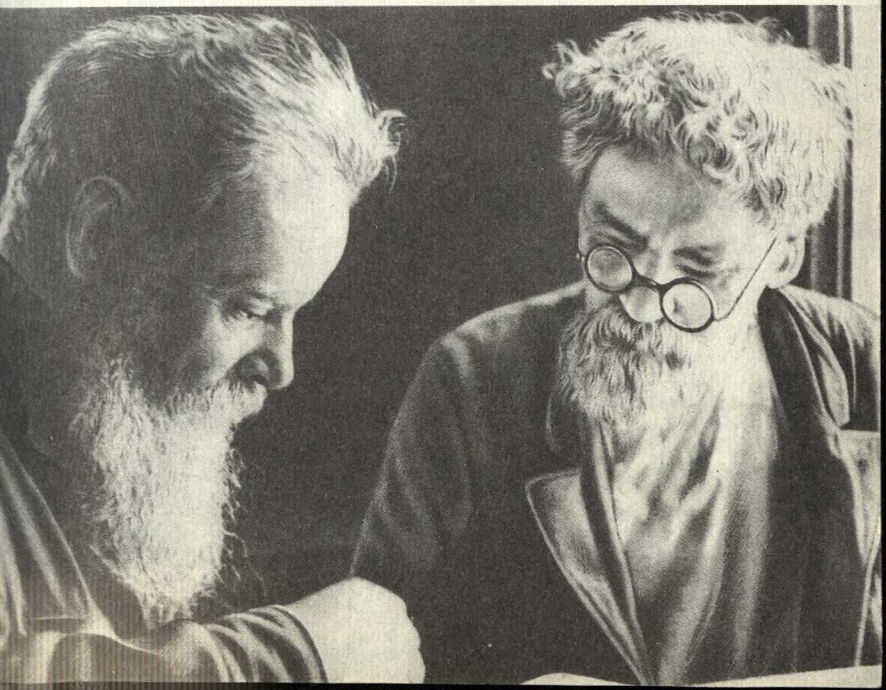

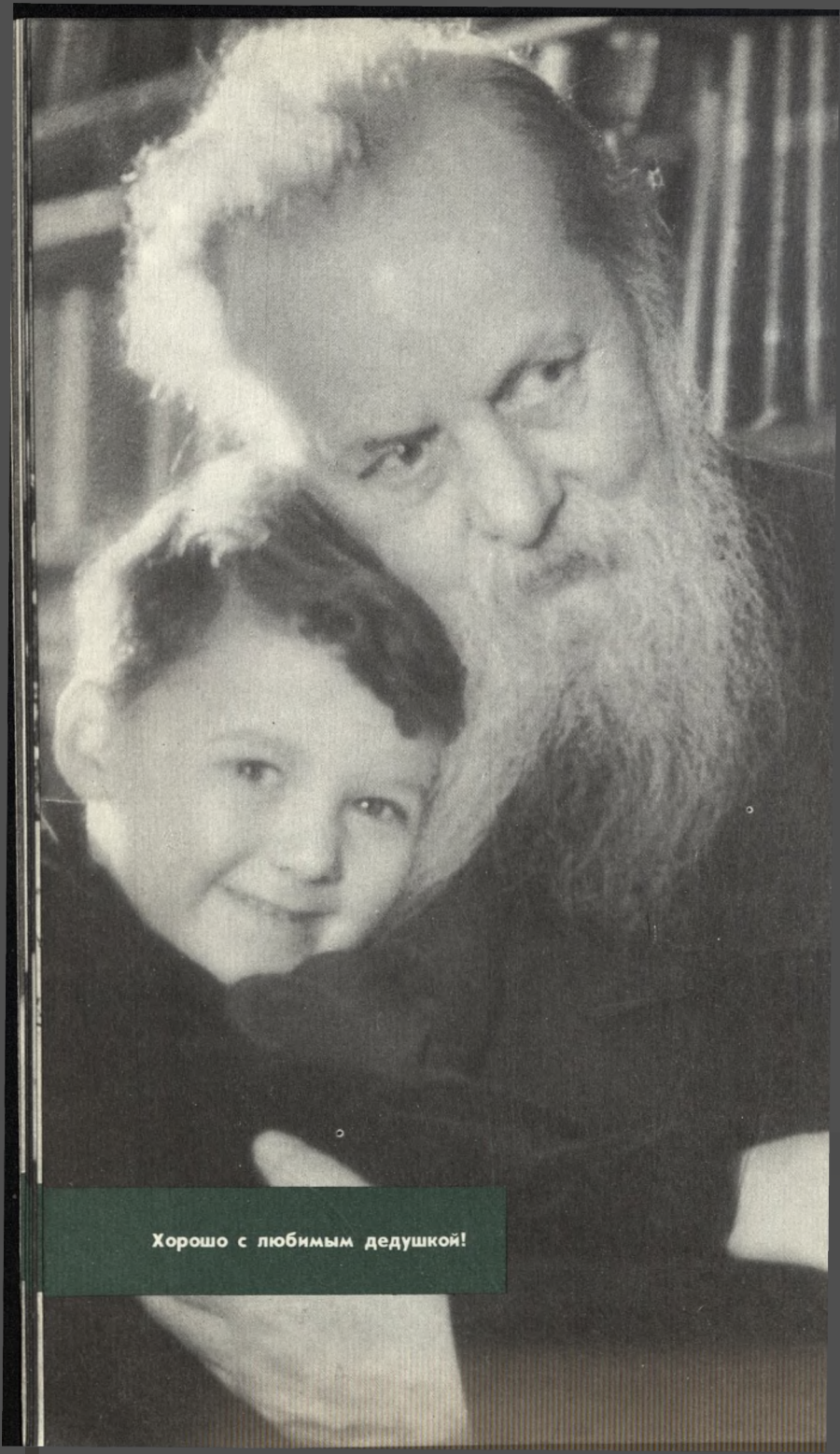
П. П. Бажов в окрестностях
Свердловска

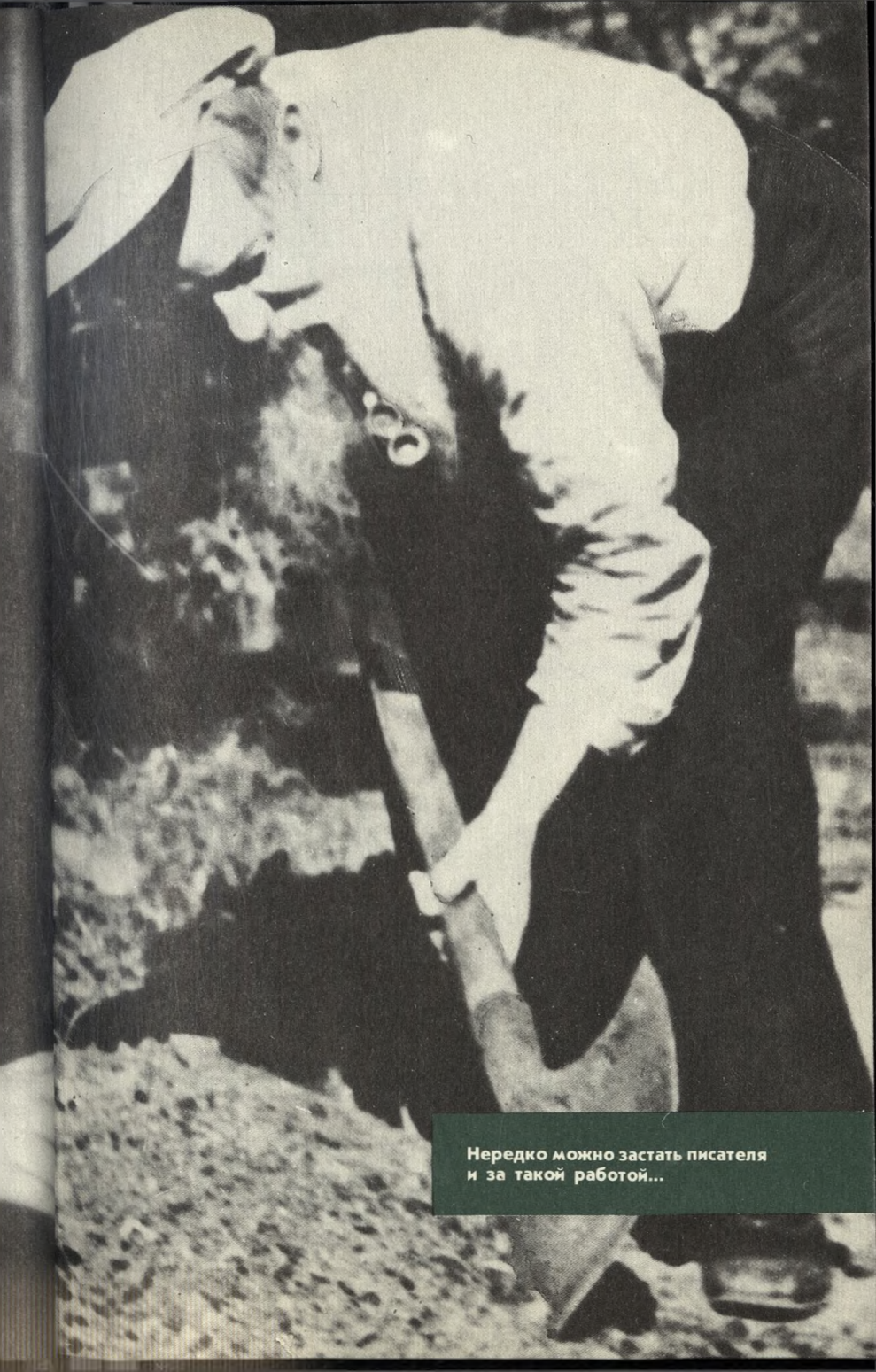
**П. П. Бажов с писателями
С. В. Михалковым (слева)
и К. М. Симоновым**

**П. П. Бажов со старателем
Данилой Кондратьевичем
Зверевым. Деревня Косой
Брод, 1939 год**

Хорошо с любимым дедушкой!

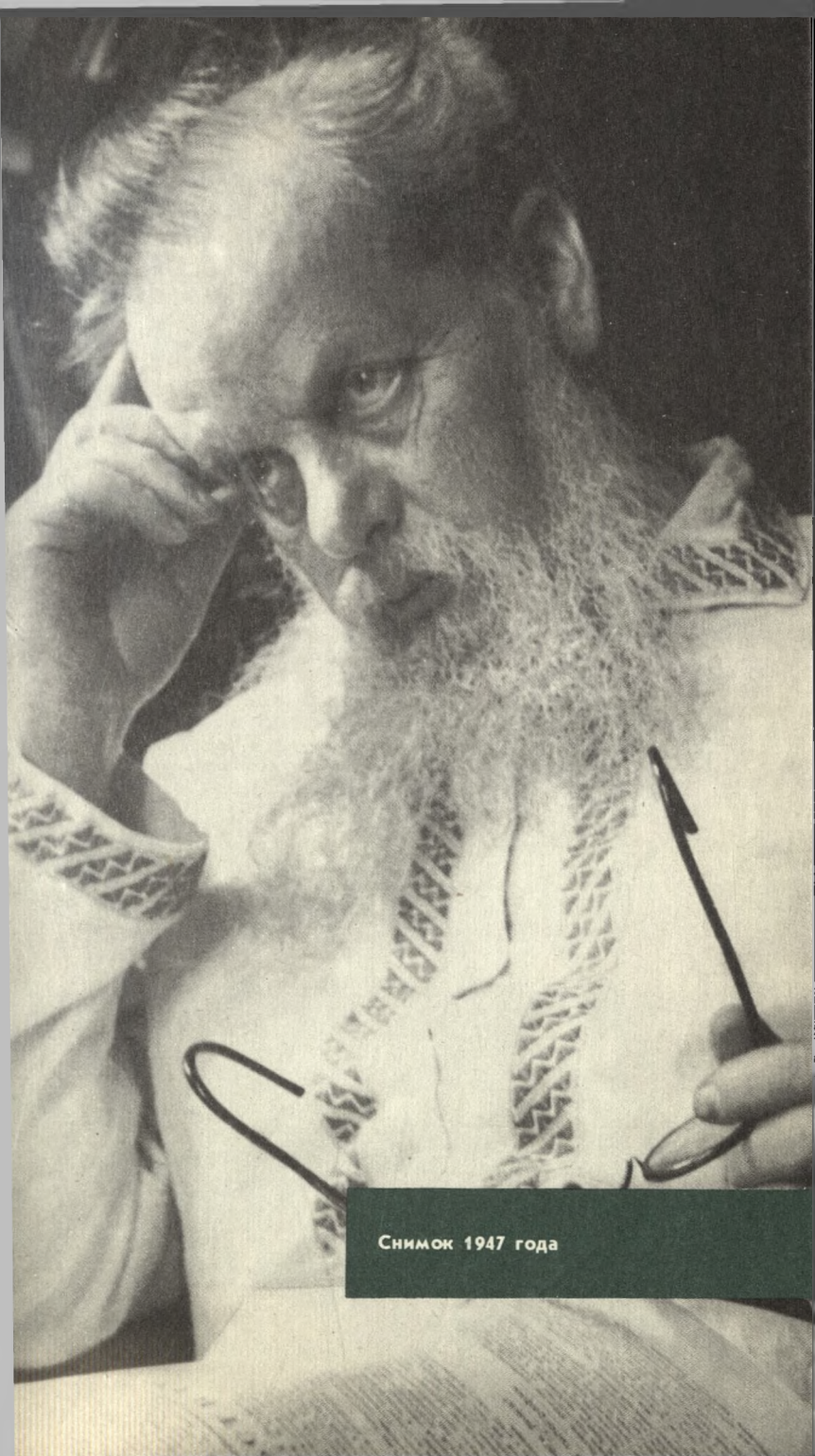
Нередко можно застать писателя
и за такой работой...

**Павел Петрович
и Валентина Александровна
Бажовы, 1949 год**

**Любили Бажовы собираться
вечером за большим столом,
и у каждого было свое дело,
и текла неторопливая беседа...**

Снимок 1947 года

А думам нет конца... 1950 год

03

83.3P7
CT X 79

ЕЛЕНА
ХОРИНСКАЯ

Наш Бажов

2-797.93

- 4 ДОМИК ПИСАТЕЛЯ
- 5 МАЛЬЧИК ИЗ СЫСЕРТИ
- 9 В ГОРОДЕ
- 15 ЮНОСТЬ
- 18 ПУТЬ ВЫБРАН
- 21 НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ
- 24 ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ
- 27 ВАЛЯ ИВАНИЦКАЯ
- 31 В КАМЫШЛОВЕ
- 34 БОЕЦ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА
- 38 В ЛОГОВЕ ВРАГА
- 43 КОРОТКАЯ ВСТРЕЧА
- 45 «ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ
ЗАНИМАЛИ ГОРОДА...»
- 52 СНОВА НА УРАЛЕ
- 56 ПЕРВЫЕ КНИГИ
- 58 ДЕДУШКА СЛЫШКО
- 62 ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК
- 73 КТО НАПИСАЛ «ЗЕЛЕНУЮ
КОБЫЛКУ?»
- 77 СВОИ КРЫЛЬЯ
- 78 ПОЧЕТНЫЙ ГВАРДЕЕЦ
- 85 В БАЖОВСКОМ ДОМЕ
- 90 БОЛЬШИЕ ЗАБОТЫ
- 94 ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК
- 105 ПЕСНЯ ЕГО ОСТАНЕТСЯ
- 110 ВСЕГДА С НАМИ

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл. 74

Свердловск Средне-Уральское книжное издательство 1989.

84P7
X 79

Редактор С. В. Марченко

X $\frac{4803010201-052}{M158(03)-89}$ 58-89
ISBN 5-7529-0152-9

© Средне-Уральское книжное
издательство, 1989.

Над Свердловском опускается вечер. В небе он сыплет звезды, а в городе зажигает огни — голубые, синие, красные, зеленые — сотни, тысячи, десятки тысяч. Высоко в небе горят цветные огни телевизионной вышки. А может, это совсем не огни, а лепестки чудесного каменного цветка, который расцветает по ночам над городом?

А может, выходит по ночам тот волшебный козлик, у которого на правой передней ноге серебряное копытце. Где топнет он этим копытцем, там и вылетит из земли дорогой камень. Сколько раз топнет, столько и камней. Целая груда досталась большому красивому дому на горе. Смотрите, смотрите, сколько сверкающих камушков из-под серебряного копытца напало в окна!

А вот сверкают они в окнах другого дома. Он еще выше, и его огни видны, наверное, далеко-далеко... Нескончаемый поток огней. Вечерний город и в самом деле похож на сказочную шкатулку с самоцветами.

И есть в этой россыпи многоцветья, в разбеге улиц и площадей улица Бажова. Летом она вся в зелени, зимой — укутана снегом.

А на углу улиц Чапаева и Большакова — дом-музей Павла Петровича Бажова. Здесь, в этом доме, жил и работал уральский писатель, друг всех ребят — дедушка Бажов.

Домик писателя

Недалёко от Исети —
Старый дом и сад густой.
Там шумит весенний ветер
Беспокойною листвою.

Облаков пушистых гребни
Проплывают стороной.
В этом доме жил волшебник —
Мудрый сказочник седой...

След Копытца серебрится,
Вьётся змейкою в ночи,
Огневушкой кружится
Пламя жаркое в печи,
Ящери мелькнули разом,
Встал Данила над цветком...
И шкатулкой, полной сказов,
Кажется бажовский дом.

А из сада гомон птичий,
Ветви тянутся к лучам.
Есть ещё такой обычай
У ребят у свердловчан:
Каждую весною новой
Тихо входят на крыльцо —
Попросить в саду Бажова
Маленькое деревцо.

И посадят возле школы
Всем лихим ветрам назло,
Чтобы крепким и весёлым
Это дерево росло.

И шумит листвою рябинка,
Зеленеет каждый год...
...К дому этому тропинка
Никогда не зарастёт...

Мальчик из Сысерти

Жил в Сысертском заводе рабочий Петр Васильевич Бажов с женой Августой Степановной. 28 января 1879 года у них родился сын. Мальчика назвали Павлом.

Петр Васильевич работал на заводе в пудлинговом цехе, где из чугуна вырабатывали особое железо. Железо это тогда очень ценилось, и в таких цехах держали самых опытных и умелых мастеров. Петр Васильевич происходил из рабочего рода, в котором несколько поколений были горнозаводскими мастерами. Его отец (дед писателя) Василий Александрович был еще крепостным.

Всю жизнь проработал он у медеплавильных печей на хозяйских заводах.

Тяжело жилось работным людям в ту далекую страшную пору. Их заставляли работать в самых нечеловеческих условиях, били, морили голодом, приковывали на цепи, всячески издевались. Дедушка Платон из повести Бажова «Дальнее-близкое» говорит: «Солдатское житье супротив нашего — вроде разгулки. Потому солдат не каждый день кровь проливает, а на заводе чуть что — ложись! Так исполосуют, еле жив останешься».

Бабушка Бажова, Авдотья Петровна, тоже была крепостной. Самодуры-хозяева в те времена завели дикий обычай: каждый год осенью отнимали у родителей дочерей, совсем молоденьких девушек, и насильно, под охраной стражников, отправляли из Сысерти в Полевское. Там их выдавали замуж за кого вздумается. Эту участь испытала на себе и Авдотья Петровна.

Не любила она рассказывать о той беде, о той «слезной дороженьке, которая вся девичьими слезами полита».

Хорошо еще, что достался ей добрый человек — крепостной мастер Василий Бажов, который ее не обижал, и жили они дружно. Но привыкнуть к чужому месту она не могла, тянуло домой, к своим. И как только отменили крепостное право, вернулась она с мужем и всей семьей обратно в Сысерть. Может быть, потому так протестовала потом бабушка Авдотья Петровна против отправки внука в город: уж кто-кто, а она знала, что значит расставание со своим родным домом!

Отец писателя, Петр Васильевич Бажов, отслужил

в солдатах и во время «солдатчины» повидал много разных городов, многое понял. Правду любил, спину ни перед кем не гнул, да еще был остер на язык. Понятно, что начальство его не жаловало. Метким, острым словом он мог так высмеять заводских «сударей» да «присударей», что те готовы были сквозь землю провалиться. А народ смеялся: «Вон в кричном он Балаболку-то осадил: хоть стой, хоть падай!»

Не зря дали ему прозвище — Сверло.

Непокорный нрав и острый язык часто доводили Петра Васильевича до увольнения. «К расчету!» — объявлял мастеру надзиратель.

Частые увольнения отца «за бунтарство» вызывали переезды семьи с места на место, с завода на завод. Это были первые путешествия Паши Бажова. Продолжались они и потом, в годы его учения.

Именно об этом говорится в сохранившемся письме матери, Августы Степановны, которая через много лет писала сыну:

«Здравствуй, Паша!

Желаю быть здоровым и всего хорошего. Мы, слава богу, здоровы. На Верхнем живем уже две недели в доме, где жил Павел Васильевич, а они переехали в Сысерть, в Церковную улицу, в дом Кадочникова. Жалованье отцу пока то же до рождества. Перевозку приняли на казенный счет. Просили управляющего Зырянова, чтобы перевели отца на Верхний, хотят строить новую машину катать проволоку, должно быть, потому, что боятся послать новенького, — все перемешают».

Несмотря на золотые руки отца, жить приходилось и в нужде, и в тяжелой работе, и в заботах... Но семья была дружная. Отец и мать горячо любили единственного сына, старались, чтобы детство его было более радостным, чем у них. Особенно заботилась об этом мать, Августа Степановна. Сама она хорошо помнила свое горькое сиротство, как росла без родителей, как с утра до поздней ночи работала на чужих людей. Совсем маленькой отдали ее в вязальную мастерскую. Способная девочка стала искусной вязальщицей-кружевницей. Даже грамоте сумела обучиться. Была она умной, ласковой.

Для сына Августа Степановна стала самым близким другом.

Мальчик рос смысленным — ну как такого не выучить?

Но и учить было нелегко... Три года ходил он в начальную заводскую школу у себя в Сысерти. Учился хорошо, на пятерки. Повезло маленькому Паше: его первый учитель, Александр Осипович, был прекрасным человеком. В «прихвостнях» у заводского начальства он не ходил, рабочие его уважали. Отец Бажова, Петр Васильевич, говорил о нем так: «Наш-то Александр Осипович из таких... за народ которые».

Заводскую школу Паша окончил хорошо. А что дальше? Трудно, почти невозможно было в то время получить образование парнишке из рабочей семьи. Во многие школы детей рабочих не принимали. Больших трудов стоило родителям Бажова устроить Пашу учиться.

Помог случай.

Однажды к Бажовым заехал их близкий знакомый, ветеринарный врач Николай Семенович Смородинцев. Он не гнушался дружбой с простыми людьми, которые любили его и между собой звали попросту Чернобородым. Петра Васильевича Бажова Смородинцев особенно уважал, любил потолковать с ним.

На этот раз, после того как напились чаю, поговорили о всяких делах, отец подозвал Пашу.

— А ну-ка, милый сын, почитай нам стихотворения. Пусть Николай Семенович послушает!

Мальчик не заставил себя уговаривать.

Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! Садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славный путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош...

Громко, без запинки читал он наизусть одно за другим стихи Некрасова. Гость был поражен замечательной памятью мальчика, его способностями и решительно

сказал родителям, что сына необходимо учить, что он обещает ему помочь.

И, задумчиво улыбаясь, повторил:

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Так неожиданно решилась судьба сысертского мальчика.

Он будет учиться в городе.

Правильные слова говорил, провозжая внука в дорогу, старый дед:

— Гляди, учись порядком! Слушай, что учителя говорят. Не шали! Наше дело — не барское. С потовой копейки учить тебя отец с матерью собираются. Ты это помни.

Именно с «потовой копейки», то есть на деньги, заработанные потом, тяжелым, изнурительным трудом, могли родители учить сына.

Осенью 1889 года десятилетнего мальчика увозят в город, то есть в Екатеринбург (так назывался тогда Свердловск). Что знали о городе заводские ребята? Немного. Знали, что до города сорок семь верст, что туда увозят железо — выработку завода, что есть там «железный круг», где сдается железо, и таинственная «чугунка» — железная дорога. Но никто этого своими глазами не видал. А отец на вопрос о городе отвечал так:

— На другие города наш не походит. Он вроде самого главного завода. На железе родился, железом опоясался и железом кормится.

Отъезд сына Бажовых в город был большим событием для всех заводских ребят. Накануне собрались они в последний раз. Это были «прощальные игры».

Потом Паша долго сидел и разговаривал со своими «заединщиками».

— Первым делом чугунку погляди и железный круг тоже. Потом расскажешь, — говорили ему на прощание друзья.

Утром они пришли снова, чтобы проводить своего дружка. Уже все было готово. Во дворе стояла запряженная дедушкина лошадь, и в телегу укладывали кор-

зину с дорожной едой, мешок овса для лошади да небольшой мешочек с имуществом мальчика.

Паша торопливо выбежал за ворота к ребятам. Теперь уже некогда было разговаривать. Он распрощался с ними «за ручку» и услышал последний наказ:

— Замечай в городе-то, как там...

В городе

Дорога оказалась длинной, но интересной. Старый дедушкин Чалко резвостью не отличался. Паша уговорил отца разрешить ему самому править лошадей, а это оказалось совсем не легко. Приходилось и объезжать обозы, и успевать сворачивать от встречных подвод. Иногда проносились тройки, звеня колокольцами.

Чуть заезаешься, уже кричат:

— Эй, малец! В которую сторону глядишь?

Чем ближе подъезжали к городу, тем оживленнее становился тракт.

И вот наконец этот долгожданный, неведомый город. Въехали с той стороны, где теперь улица Фрунзе. Тогда она называлась Второй Загородной и состояла из одного ряда домов, выходивших окнами прямо на выгон. Там, где сейчас трамвайный парк, инструментальный завод, магазины и корпуса многоэтажных домов, на истоптанной пыльной поляне паслись козы и телята.

Но сысертский парнишка не замечал ни пыли, ни коз. Он видел впереди блестящие купола, большие дома с колоннами, тротуары из широких плит и все больше восхищался:

— Вот это улицы!! Вот это дома! Кто только живет в них?

Как бы в ответ на этот вопрос раздался повелительный окрик: «Эй, берегись!»

И из ворот одного из каменных домов с круглыми колоннами вылетел легкий экипаж. На козлах — нарядный кучер, а на сиденье — толстый барин.

— Кто это?

— Откуда мне знать? — отвечал отец. — Может, хозяин этого дома. Может, в гости какой приезжал. Много их, таких-то, жируют тут.

Город встретил приехавших не очень любезно. Маль-

чик был хорошо воспитан в своей рабочей семье, он знал, что со старшими следует здороваться, знал все заводские обычаи — кого, где и как приветствовать: встретив человека на дороге, нужно сказать — «мир в дороге»; увидишь, что люди сели отдохнуть или перекусить, должен сказать — «мир на стану». Ну, а если просто разговаривают, так надо и говорить — «мир в беседе». Мальчик не забывал этого обычая и всю дорогу вежливо здоровался со всеми встречными. А один городской щеголь в ответ на приветствие насмешливо крикнул:

— Здравствуй, молодец! Поклонись от меня березовому пню да сосновому помелу, а дальше — как приду-маешь! — и захохотал.

С обидой и удивлением обернулся к отцу Паша. А отец только посмеивается:

— Научил тебя городской, кому кланяться? То-то и есть. Тут, брат, всякому кланяться — шапку скоро сносишь. Да и не стоит, потому — половина жулья. Этот вот, может, на гулянье едет, чтоб кого облапошить. А тоже вырядился! Извозчика легкового нанял. Знай наших!

Позже маленький Бажов пригляделся к городу и стал сам разбираться, что к чему. И прежде всего, конечно, он понял, что далеко не все городские живут в богатых каменных домах с колоннами, — он видел и покосившиеся домишки, и «рабочую избу» на углу Архиерейской и Болотной, как раз на том месте, где потом был построен дом, в котором многие годы жил писатель. Мальчик понял, что живут в домах-дворцах и катаются в затейливо выгнутых экипажах только богачи, а рабочему люду и здесь живется не лучше, чем у них в Сысерти. Особенно твердо он убедился в этом, побывав с мамой у ее «сведенной» сестры, которая жила в городе. Муж ее был печатником — «сам печатал книги и газеты». «Вот хорошо-то познакомиться с таким человеком, — думал Паша, — книг-то у него небось сколько!» Но каково же было его удивление и разочарование, когда оказалось, что у печатника нет ни одной книги, когда он увидел, как живут их городские родственники: «Во дворе было два флигеля: один двухэтажный, другой хуже нашей бани, как я определил для себя. В нем-то и жили те, кого мы искали. Мне это показалось мало похожим на правду. Еще непонятнее была та кричащая бедность,

которую мы увидели внутри хибарки. Изможденная, с лихорадочным блеском в глазах женщина стояла у стола и коротким сапожным ножом резала разноцветную бумагу. На полу двое малышей играли обрезками бумаги, а третий, совсем еще маленький, спал в зыбке. Увидев маму, женщина бросила нож и заплакала. «Как это ты надоумилась? — быстро и взволнованно говорила она. — Все меня позабыли. Бывают ведь, а никто не заглянет. Погляди-ка, погляди на наше городское житье».

Паше стало очень грустно, и он обрадовался, когда выбрались из темной убогой избенки. А когда мама, горько плача, рассказывала отцу о встрече с сестрой, о ее тяжком житье и смертельной болезни, отец угрюмо сказал: — Что поделаешь, не одну ее город съел.

Пашу удалось устроить в духовное училище. Здесь была более дешевая плата за учение, не требовалось форменной одежды и имелось общежитие, за которое тоже платили недорого. Училище являлось средней школой для сыновей служителей церкви. Посторонних, а особенно «простых смертных», детей рабочих, принимали неохотно. Тут помог Смородинцев — сдержал обещание. К стыду некоторых оболтусов из духовных семей, поступавших вместе с Бажовым, мальчик из Сысерти экзамены сдал блестяще. Читал он бойко, задачку решил «со стуком», молитвы и заповеди «рассыпал горошком». Даже в трудных грамматических правилах того времени он разбирался свободно, хотя это было совсем нелегко. Во-первых, существовали две буквы «и»; «и» простое называлось восьмеричным, а «і» («и» с точкой) — десятеричным. Попробуй запомни, где писать то, где другое. Да еще в некоторых случаях одно и то же слово писалось по-разному, в зависимости от смысла. Например, слово «мир»: если это слово выражало спокойствие, то писалось «мир», если же мир означало вселенную, весь свет, то следовало писать «мір».

Знакомое сегодня всем выражение тогда писалось бы так: «Мир во всем міре». А твердый знак (ъ) ставился во всех словах мужского рода, оканчивающихся на согласную!

Но больше всего неприятностей ребятам доставляла буква «ять». Эта противная буква даже во сне им снилась. Гимназисты про нее пели:

Кто не знает букву «ять»,
Букву «ять», букву «ять»?
Где и как ее писать,
Как писать, как писать?

Но даже эта коварная «ять» не смогла подвести Пашу Бажова, который отлично сдал все экзамены. Главному экзаменатору ничего не оставалось делать, как сказать:

— Хорошо. Принят. Завтра приходи на уроки к девяти часам.

И, повернувшись к другим членам комиссии, пояснил:

— Отец у него простой рабочий.

Ох, как обидно стало мальчику! «Инспектор, а не понимает! — подумал он. — Какой же простой, коли тятя с Ильей Гордеичем — самолучшие мастера! По всему заводу! А по сварке и вовсе никто против него не выстоит».

Но мало ли еще обид ожидало сысертского мальчика в большом неласковом городе. Недаром бабушка, провожая его из дома, причитала:

— Легкое ли дело из своего места в чужие люди ехать, да еще в эдакое страховитое! Я вот восьмой десяток считаю, а в городе только два раза была. Натерпелась страху-то. А тут на-ко что придумали. Десятилетка одного в городе оставить!

Но мальчик был упорным, настойчивым, держался твердо. Одиночество свое переносил мужественно, не ныл, не жаловался, нос не вешал. Когда приходилось трудно, вспоминал слова отца: «Коли за какое дело берешься, так о нем и думай!»

А потом стали появляться друзья. Паша скоро понял, что дружить с избалованными маменькиными сынками, белоручками да хвастунами — дело неподходящее. Только подведут. Да и зачем ему такие, когда можно подружиться с хорошими заводскими ребятами, верными «заединщиками».

А «заединщики» — это не просто знакомые ребята или друзья по школе, это серьезнее. Сам Павел Петрович Бажов так объясняет слово «заединщина»:

«Это не то же, что школьная дружба, и это явление не городское и не сельское, а именно заводское, своего рода отражение в детской жизни того, что у взрослых

выражалось понятием «наша смена», «человек нашей смены».

Такая дружба на долгие годы.

Убедился Паша и в том, что хороших людей больше, чем плохих, что правда рано или поздно всегда восторжествует.

Появился у него дружок — мальчик с Верх-Исетского завода. А самое главное, сдружился он с умным, веселым и добрым стариком, жившим по соседству, мелким чиновником Полиевктом Егорычем. Это он по поводу несправедливой обиды, которую однажды нанесли мальчику, нашел самые простые и нужные слова:

— А ты не сердись, то ли еще на веку будет. На всякий пустяк сердиться — духу не хватит.

Это он рассказывал мальчику страшные истории о первых уральских заводах.

— А ты не сомневайся, сысертский, — говорил он. — Давнее дело. Ближе двухсот лет с той поры прошло. Нашего города и в помине не было, и других заводов по нашим местам не значилось. Лесу за столько годов много нарастет, а вода — дай ей волю — что хочешь замочет. То и кажется, что никто здесь не жывал, а по документам на другое выходит. Были тут люди, да еще какие люди! Первый заводчик назывался Ларион Игнатьев. Он из небогатых, видать. Руду нашел, а обзаводиться стал на чужие деньги — московского купца Болотова. Потом этот купец прижал Лариона. Завод на себя перевел, а этого перводобытчика с женой, с ребятами за долг «взажив взял».

— Как это «взажив»?

— Закрепостил, значит.

Широко открыв глаза, слушал мальчик жуткую повесть. Многие из этих рассказов остались у него в памяти. Но особенно часто в жизни по разным поводам приходилось вспоминать мудрые слова этого старика:

— Ох и твердый у нас народушко! Ох и твердый! К чему прильнет, никак его не оторвешь и ничем не испугаешь. Возьми хоть этого Игнатьева, которого купец «взажив взял» за долги. Думаешь, нельзя было ему уйти из такого глухого места? Да сделай милость, в любую сторону. А он, небось, до конца сидел, потому своего добиться хотел. Прямо сказать, въедливый народ. И терпеливый тож. Развяжи-ка такому руки, так он тебе

на этом же месте такое сгрохает, что по всему миру отдачу даст. Ты это попомни, сысертский.

Первое время Паша Бажов жил в доме Николая Семеновича Смородинцева, а потом перешел на так называемую ученическую квартиру, где жили девять мальчиков разного возраста. Позже он попал в настоящее общежитие духовного училища — в точно такую же бурсу, о какой рассказал писатель Помяловский.

Здесь, на «ученической квартире», царил суровый казенный режим. Нелегко было к нему привыкнуть. Бажов уже успел почувствовать и понять, что значит жить «со своими» и «не со своими». Мальчику из доброй и дружной рабочей семьи было особенно трудно свыкнуться со строгими казенными порядками. Вернувшись после уроков, например, ученики не могли без специального разрешительного билета уйти из квартиры. Нельзя было даже просто выйти за ворота. Это строго наказывалось. С пяти до десяти часов вечера шли «вечерние занятия», причем в первые два часа занятий строго запрещалось даже читать посторонние книги: полагалось сидеть над учебниками, если даже все уроки ты давно приготовил.

Много неприятностей ученикам доставляли бесконечные проверки. Надзиратели училища проверяли, как ведут себя ребята. Они приходили не только днем, но даже ночью, когда все спали крепким сном.

Кроме учителей и надзирателей «ученические квартиры» посещал и сам инспектор. Ученики его боялись и порядком ненавидели, но была у него одна черта, за которую многое прощали. Он любил книги и часто устраивал громкие читки. Когда всех учеников перевели из квартир в общежитие, такие вечерние чтения проводились после ужина в зале. Чаще всего читались книги классиков: «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Севастопольские рассказы» Толстого, рассказы Куприна. Особенно жадно ловил каждое слово мальчик из Сысерти.

В 1892 году семья Бажовых переехала в Полевской завод. Именно здесь, в Полевском-то, и встретился Паша Бажов с Василием Алексеевичем Жмелининым (знаменитым дедушкой Слышко), и впервые слушал его сказы...

Чудесным было то памятное лето, светлые дни кани-

кул! А зимой — снова учеба, чужие люди, строгий режим общежития.

А дни бежали и бежали...

И вот весной 1893 года Павел Бажов отлично заканчивает училище и его посылают учиться в Пермскую духовную семинарию.

Прощай, Екатеринбург, здравствуй, город Пермь!

Юность

Юный Бажов был просто счастлив, что сможет продолжать учебу. Конечно, не в духовной семинарии хотелось бы ему учиться. Но другого выхода нет. Это все-таки полная средняя школа, пусть специальная, духовная, готовящая служителей церкви. Он-то в церкви служить не собирается. Вспомнился давний разговор с первым екатеринбургским дружкой, верхисетским парнишкой, еще когда начинал учиться в духовном училище:

— В попы метишь? — удивился Миша.— Кутейка, балалайка, соломенная струна? Ныне, присно и во веки веков?

Уже тогда, еще совсем маленький, Паша сразу опроверг такое обидное для него заключение.

Действительно, сначала в духовном, потом в семинарии учились многие люди, не ставшие попами,— и его первый дорогой учитель Александр Осипович, и его екатеринбургский «шеф» Смородинцев.

Потом он узнал, что раньше в этой же семинарии учились и изобретатель радио Попов, и писатель Мамин-Сибиряк.

Пермь. Новый город, новые люди. Впервые увидел он большую, многоводную реку — красавицу Каму. Подолгу стоял и задумчиво смотрел на волны, на уходящие пароходы. Кама-Камушка... Он уже совсем не тот наивный мальчик из Сысерти, которого несколько лет назад привезли в город. Теперь это умный, не по годам развитый подросток, который успел кое о чем подумать, кое в чем разобраться...

Он принимает участие в выступлениях семинаристов против бесправия и несправедливости, участвует в тайных маевках, хотя это очень опасно. Маевки устраи-

вались за Камой. Туда в любое время могла нагрянуть полиция, и тогда не сносить головы. Несколько лет тому назад исключили «за бунтарство» почти половину четвертого класса семинарии. Исключенных потом никуда не принимали. Будущее многих из них стало очень печальным.

Бажов знал об участи своих старших товарищей, но это его не останавливало.

Режим в семинарии был еще строже, чем в училище. Семинаристам строго-настрого запрещалось читать книги таких писателей, как Диккенс и Щедрин, Байрон и Некрасов, Решетников и, конечно, Помяловский. Еще бы! Ведь именно Помяловский со всей беспощадностью разоблачил весь ужас старой бурсы. Но семинаристы эти книги все-таки читали. Они создали свою тайную библиотеку, где были не только эти авторы, но и Белинский и Чернышевский, была революционная литература и даже произведения Маркса и Энгельса. Выдавались такие книги, конечно, самым надежным и верным ребятам. Но кто же хранил запрещенные книги? Этим подпольным библиотекарем бесценно целых три года был Бажов. А ведь это тоже был большой риск!

От родителей он получал добрые, ласковые письма: «Паша, ты, пожалуйста, береги здоровье, не студишься, теперь погода хуже зимней. Новостей никаких нет. Будь здоров. Твоя любящая мама». На конверте этого письма пометка: «Денежное». Письмо писала мама, а приписку сделал отец:

«Здравствуй, Паша! При сем посылаем денег 2 (два) руб. Будь здоров. Твой Петр Бажов».

Но в 1896 году отец умер. Не стало хорошего рабочего человека, мастера с золотыми руками Петра Васильевича Бажова...

А Павел должен еще долгих три года учиться в семинарии. Он по-прежнему старателен и трудолюбив. И время идет быстро.

Вот и 1899 год! Окончена семинария... Какая радость вырваться из ее мрачных стен навстречу жизни, счастью, мечтам! Он ведь старался, учился хорошо и окончил семинарию по первому разряду. Значит, его заветная мечта осуществится — он будет учиться в университете. А как жить? Где средства? Ничего, он станет грузить дрова, летом сплавливать лес, делать что угодно, только бы

учиться. Он ведь и семинаристом подрабатывал. Отец болел почти целый год, потом умер, и парню последние три года пришлось самому содержать себя и помогать маме.

Он занимается с отстающими учениками, выполняет поручения от газет. Он не боится работы. Нет, он поступит, поступит в университет!

Но не тут-то было... Как раз потому, что Павел Бажов отлично окончил семинарию, ему предложили учиться дальше, даже стипендию обещали. Но направляли его в духовную академию! Церковники не хотели выпустить из своих цепких лап способного молодого человека, он им был нужен. Хотели сделать из него духовного деятеля, который будет укреплять веру в бога и царя, защищать незыблемость царского строя, интересы богатых. Он получит стипендию, поедет учиться дальше — разве можно отказаться от такого выгодного предложения?! А он отказался... Какая дерзость! Как он смел! Ах, он хочет в университет! Ну уж нет, голубчик, после такого дерзкого отказа университета тебе не видать!

357-2-75758
Сразу поступать в университет нельзя: он должен отработать три года учителем. Бажов, как один из лучших выпускников семинарии, имел право работать в духовном училище, но ему хотелось учительствовать в деревенской школе. Деревня Шайдуриха, возле Невьянска, вполне его устраивала. Там жили старообрядцы-раскольники, которые придерживались своей старой веры. Молодой учитель хотел обучать их детей грамоте, просвещать, постепенно найти путь к их сердцам. Но инспектор придерживался другого мнения: он потребовал, чтобы Бажов насильно учил старообрядцев закону божьему, заставлял менять веру и обычаи. Павел Петрович вынужден был отказаться от работы и уехать в Екатеринбург.

Он стал учителем русского языка и литературы в том самом духовном училище, где учился сам. Так началась его трудовая жизнь.

Взял к себе маму — Августу Степановну — и вместе с нею стал жить на окраине города в маленьком домике.

Путь выбран

Прошли три года учительства. Павел Петрович с нетерпением ждал этого, чтобы осуществить свою мечту — поступить в Томский университет. Но духовное начальство не забыло дерзкого отказа семинариста стать церковнослужителем, а может быть, дозналось о его участии в студенческих выступлениях и о подпольной библиотеке и добилось того, что ему в приеме в университет отказали. Не разрешили даже стать вольнослушателем. Дело в том, что на его отличном аттестате написали всего три слова: «Характеристика по запросу». Это было своеобразным условным знаком, обозначавшим, что человек он неблагонадежный и принимать его не следует. Эти три слова закрыли перед ним дверь в университет.

Вот тебе и «будешь в университете, сон свершится наяву...». Не свершился. А так хотелось учиться дальше...

Павел Петрович продолжал преподавать русский язык и литературу. Зимой — уроки, неприютные стены училища, подозрительные взгляды начальства, но зато летом...

Летние каникулы — какое это чудесное время! Из мрачных классов училища, из пыльного Екатеринбурга он вырывается на простор, как с добрыми приятелями, встречается с горами и озерами родного края.

«Здравствуй, гора Хрустальная! Здравствуй, красавица Чусовая!»

Но не только к ним стремится Бажов. У него уже много друзей, добрых знакомых в рабочих поселках, голосистых деревенских запевал, знающих столько народных уральских песен, то бесшабашно-веселых, то хватающих за сердце своей вековой печалью.

Ох, и дотошный этот екатеринбургский учитель! Все-то ему надо знать, все-то он записывает: то песню хорошую, то бывальщину занятную, то словцо меткое. И люди охотно, доверчиво открывались ему, потому что видели в этом молодом учителе не любопытствующего горожанина, не стороннего наблюдателя, а человека, живо откликавшегося на все их беды и горести. А уж горя, бесправия, нужды повидал Бажов в своих странствиях немало. Тем яснее видится ему его будущая до-

рога. Нужно бороться против угнетателей, бороться за счастье и светлую долю людей.

Исторический 1905 год в России начался страшным событием — расстрелом петербургских рабочих, которые шли к царю с жалобой на свою тяжелую жизнь. В рядах вместе с рабочими шагали их жены, старики и дети. Шли просить у царя хлеба, а получили пули и казацкие плети. «Кровавым воскресеньем» называли люди день 9 января. Он всколыхнул всю страну.

Это было началом первой русской революции.

Гневом встретили рабочие весть о кровавой расправе. И не только рабочие: весь народ России был потрясен, взволнован, возмущен. В маленьком домике на окраине Екатеринбурга всю ночь проходил из угла в угол учитель Бажов. Ему представлялись убитые дети и женщины там, возле царского дворца, и его сердце наполнила жгучая ненависть к царю.

В стране начался подъем революционного движения. Залпы, прогремевшие в Петербурге на Дворцовой площади, донеслись и до Урала. Начались забастовки. Восставали рабочие в Перми, Чусовой, Лысьве... Разгоралась борьба в Надеждинске, Алапаевске... В Екатеринбурге в мае состоялась такая мощная демонстрация, которая перепугала полицию. На заводах ковали пики, кинжалы, рабочие запасались оружием.

Около пяти месяцев продолжалась забастовка на Сысертском заводе. Забастовщикам угрожали, вызывали казаков, но рабочие не сдавались и не отступали от своих требований.

Бажов в это время спешит туда, на свою родину, чтобы помочь рабочим. Через много лет он описал эти события в очерке «К расчету». Впоследствии он вспоминал: «В 1905 году при общем революционном подъеме тоже активизировался, принимал участие в протестах главным образом по вопросам школы».

В Екатеринбурге Бажов бывал на рабочих собраниях и митингах. На одном из таких митингов в музыкальном зале Маклецкого, там, где сейчас музыкальное училище им. Чайковского, он увидел товарища Андрея — Я. М. Свердлов. Бажов много слышал об этом необыкновенно волевом и энергичном человеке, который, едва приехав на Урал, сумел завоевать огромный авторитет среди рабочих, организовать и перестроить револю-

ционную работу. Он слышал о Свердлове как о замечательном ораторе. Свердлов представлялся ему высоким, широкоплечим богатырем. И вдруг он увидел молодого, стройного, очень подвижного человека среднего роста, с черными волнистыми волосами и живыми темными глазами, которые смотрели на людей пристально и ласково. «Так вот он какой, этот товарищ Андрей,— вожак рабочих, руководитель уральских большевиков!»

Свердлов появился на трибуне, и зал разразился аплодисментами. Его слушали напряженно, внимательно, в полной тишине. Бажов сидел, боясь пошевелиться. «Как важно,— думал он,— научиться говорить именно так горячо, искренне и убежденно, вдохновлять людей, покоять их сердца».

Вернувшись с митинга, Бажов долго не мог успокоиться. Ему все еще слышался сильный красивый голос товарища Андрея, его страстная зажигательная речь. А его смелость, находчивость, молодой задор! Недаром так любили товарища Андрея рабочие. Теперь стал вполне понятен тот случай в городском театре, о котором многие рассказывали, захлебываясь от восторга. В конце ноября противники большевиков — эсеры захватили театр и организовали там митинг. Выдвинули своего председателя. Но едва успели его назвать, как зал загрохотал — это дружно поднялись заполнившие театр рабочие:

— Долой! — кричали они. — Андрея председателем! Андрея! Андрея!

Яков Михайлович поднялся на трибуну. И все пошло так, как хотели большевики.

А митинг на Верх-Исетском заводе! Рабочие собрались в листовом цехе и внимательно слушали товарища Андрея.

Были выставлены патрули.

Вдруг раздался крик: «Полиция!»

Тогда один рабочий, Алексей Ермаков, быстро накинул на Свердлова какую-то рабочую одежку, чью-то шапку на глаза надвинул, на ходу мазнул лицо сажей и через котельную, через заднюю проходную вывел его из завода.

Впоследствии, даже через много лет, Бажов не мог забыть то яркое, неизгладимое впечатление, которое произвел на него Яков Михайлович.

В 1906 году Павла Петровича Бажова арестовали за участие в учительском союзе. (Был тогда такой союз, он боролся за права учителей). Но никаких серьезных обвинений предъявить ему не могли и, продержав две недели, выпустили.

Новый учитель

Через год Павел Петрович перешел работать в женское епархиальное училище. Название это происходило от слова «епархия» — область определенного церковного деления, куда входило несколько церквей. Это и составляло епархию. В училище давалось неполное среднее образование. Выпускницы училища могли стать учительницами начальной школы, главным образом церковно-приходской. Все девочки были из семей мелкого духовенства — дьячков, священников небольших церквей, не имевших средств учить детей в гимназии. В епархиальном и платить дешевле, и общежитие есть. Звали учениц епархиалками. Они носили форменные платья цвета бордо.

Епархиальное училище было сходно с духовным: так же много внимания уделялось преподаванию закона божьего. И расположено оно было по соседству с монастырем — угрюмое кирпичное здание с длинным темным коридором.

Вот сюда-то и пришел 1 сентября 1907 года новый учитель русского языка и литературы — Павел Петрович Бажов. У него были волнистые русые волосы и густая красивая борода.

С любопытством устремились на него десятки глаз. Какой он, новый учитель? Строгий или добрый? Справедливый или вредный?

А учитель, чуть улыбаясь, смотрел на учениц и тоже думал: какие они, эти девочки? Как будут учиться? Сможет ли он заинтересовать их, подружиться с ними? Раньше он учил мальчиков, и отношения у него с учениками были самые дружеские. А как будет здесь?

Но тревога оказалась напрасной. Когда новый учитель заговорил о том, как хорошо должен знать человек

свой родной язык, уже с этого момента появился живой интерес в устремленных на него глазах. Девочки очень быстро и всей душой привязались к новому учителю. Да иначе и быть не могло. Павел Петрович любил свой предмет и умел эту любовь передать детям, умел сдружиться с ними. Разве можно было такому учителю плохо ответить? И девочки старались как можно лучше подготовиться к уроку.

...В училище проводились вечера, которые для всех были настоящим большим праздником. На этих вечерах в знак особого уважения девочки прикалывали своим любимым учителям разноцветные бантики из лент — красные, голубые, зеленые. Павлу Петровичу бантиков доставалось больше всех.

— Стоит, бывало, он у дверей учительской, — рассказывает одна из его учениц Лидия Михайловна Шулина, — улыбается всем приветливо, глаза счастливо блещут, а грудь у него вся-вся в ярких лентах.

Тут же хочется сказать и о самой Лидии Михайловне. Удивительный она человек — вот уж поистине бажовская ученица! Несмотря на то, что ей уже больше девяноста лет, она сохранила молодую память, молодые глаза, живую улыбку.

В день рождения Бажова, когда в доме неизменно собираются самые близкие — родственники и друзья, Лидия Михайловна каждый раз тепло вспоминает своего любимого учителя и рассказывает о нем что-нибудь интересное, припоминает забавные истории из жизни училища.

Однажды, например, сразу после каникул Павел Петрович предложил написать сочинение «Как я провела лето». И Лида Шулина, описывая страшную июльскую грозу, увлеклась и написала: «Лес зашумел, загудел, застоял...» Павел Петрович на полях продолжил: «Заяц послушал и прочь убежал!»

Большая семья Шулиных жила по соседству с Бажовыми. Почти все сестры Шулины учились у Павла Петровича, а их брат Миша учился с Алешей Бажовым, и они очень крепко дружили. Была в их компании и тоненькая черноволосая девочка Люся Кожевникова — будущая известная писательница Людмила Константиновна Татьяничева.

Но вернемся к рассказу об учителе.

Раньше в классе не очень-то жаловали уроки русского языка: ну что тут интересного — правописание, правила... С приходом нового учителя все изменилось. Как понятно и занимательно он рассказывал! Он подбирал примеры из басен Крылова, из произведений Пушкина, Лермонтова, Толстого... На его уроках ни один человек не думал: «Хоть бы скорее звонок». Сочинения Павел Петрович читал особенно вдумчиво, подробно записывал замечания на полях и тщательно разбирал работы.

— Не забывайте, что красота слога прежде всего в простоте,— говорил Павел Петрович.— Не забывайте правила: чем проще — тем лучше.

Да, это был совсем необыкновенный для того времени учитель. Не жалея для своих учениц времени, он оставался после уроков. Он стал их лучшим советчиком, воспитателем, старшим товарищем. Иногда ребята спрашивают, добрым или строгим учителем был Павел Петрович. Он был очень хорошим учителем, а хороший учитель обязательно бывает и добрым и строгим. Если же учитель будет только добрым, ничего не станет требовать от учеников, то он просто ничему не научит. Выйдут такие ребята из школы незнайками, не смогут продолжать образование, не смогут работать как следует... И всю жизнь потом будут поминать недобрым словом своего «доброго» учителя.

Павел Петрович никогда не кричал на ребят, говорил ровным, спокойным голосом, и все его прекрасно слушались. А уж если нахмурит брови да еще проведет несколько раз рукой по волосам — значит, огорчили учителя, значит, плохо отвечали или болтали на уроке, значит, он сердится. И сейчас же все притихали и виновато опускали глаза.

Многих научил уму-разуму учитель Бажов за время многолетней педагогической деятельности. Ведь он учительствовал восемнадцать лет!

Через всю жизнь

Павел Петрович Бажов внимательно следил за тем, что читают дети. Сам он с детства любил книгу.

Его первый учитель Александр Осипович познакомил мальчика с великим русским писателем А. С. Пушкиным.

Стихотворение «Утро» и стало началом большой любви к Пушкину, которую пронес Бажов через всю жизнь. Он так вспоминает об этом:

«Стихотворение «Утро» удивило тем, что там вовсе не потребовалось никаких объяснений.

По вопросам учителя мы составили такую оценку стихотворению: «В нем все говорится по порядку, потому оно само запоминается да еще как-то веселит».

Эта оценка подтвердилась и на деле. Большинство запомнило стихотворение с первой читки.

Когда даже самые слабые ученики выучили его и «бойко читали по знакомому месту», учитель сказал, повторяя нашу оценку:

— В том и дело, что у Пушкина все понятно, «все говорится по порядку» и все «само запоминается». Так и знайте, что нет и не было у нас писателя ближе, роднее и больше, чем Александр Сергеевич Пушкин. Сегодня вот как раз исполнилось пятьдесят лет, как его убили, а никто вровень с ним не стал, и станет ли, неизвестно.

Учитель держал нас строговато, не любил, чтобы «высовывались» с вопросами, когда нас не спрашивают, но на этот раз не сделал замечания, когда со всех сторон слышалось: «Кто убил? Где убил? Как убили? Почему? Что сделали с теми, кто убил?»

Учитель рассказал о дуэли и последних днях Пушкина и угрюмо добавил:

— Подростете, сами узнаете, что дуэль подстроена была. Большому начальству негоден был Пушкин, его и подвели под пистолет, а того чужеземца, который Пушкина убил, выслали домой. Все и наказание ему было в этом.

Такой осталась в моей памяти пятидесятая годовщина смерти великого поэта».

Как же так? Почему? За что власти не любили Пуш-

кина? Хотелось найти ответ на все эти вопросы. А найти его можно только в книгах. И мальчик жадно тянулся к книге. Библиотекарь сказал, что даст ценную книгу только при условии, если он выучит на память целый сборник стихов Пушкина. Это было сказано, конечно, в шутку, но Паша принял всерьез и действительно выучил наизусть всю книгу.

Когда Бажов учился в семинарии, ему попалась книжка Чехова «Пестрые рассказы». Он купил ее, как говорится, «на последние медные». Занимаясь с отстающими учениками, он зарабатывал всего шесть рублей в месяц, и покупка книги была для него большим расходом.

Семинаристам полагалось читать только те книги, на которых была специальная пометка: «рекомендовано» или «допущено». На чеховской книжке никакой «разрешительной» пометки не имелось, и потому приходилось читать ее тайком. Но стоило достать книжку и прочитать первый рассказ, стало так смешно, что невозможно удержаться от хохота, захотелось тут же поделиться с товарищами.

Так он впервые познакомился с Чеховым, который стал его любимым писателем.

Бажов не мог допустить, чтобы его ученики читали что попало. Он помнил, как в детстве, попав в город, жадно набросился на книги. И вместе с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Гоголя и «Робинзоном Крузо» Д. Дефо, драгоценной для него книгой «Принц и нищий» М. Твена, которую ему подарили, буквально осчастливив таким подарком, — вместе с настоящими книгами он прочитал много «книжного барахла» — романов с преступлениями, со всякой выдуманной жутью... Не зря жена Смородинцева, Елена Николаевна, когда он жил у них в доме, запрещала ему читать «такую гадость».

Немало было прочитано и просто глупых, ненужных книг.

Бажов подбирал для детей умные, хорошие книги и отметал в сторону пустое и вздорное чтиво. Особенно высмеивал он книги модной тогда писательницы Чарской, которыми зачитывались и институтки, и гимназистки, и епархиалки, и даже бедные «приютки» — девочки-сиротки, жившие в приюте, унылая жизнь которых поразила Бажова, когда он, еще мальчиком, смог наблюдать ее.

«Из зданий, выходявших на Щепную площадь, заметил тогда лишь Нуровский приют, двухэтажное каменное здание на том месте, где ныне выстроено здание геологического музея. При доме, как водилось для учреждений такого порядка, была домовая церквушка. Было бы где призреваемым помолиться за «благодетеля».

Мне потом случалось много раз проходить мимо приюта, приблизительно в одни и те же часы, и я неизменно слышал одну и ту же песенку:

Клубок катится,
Нитка тянется...
Клубок дале, дале,
Нитка доле, доле...

Через окна было видно: в большой комнате сидят девочки, человек сорок, в платьишках грязно-серого цвета, ковыряются над большими полосами белой материи и без конца тянут свою тоскливую песенку. Это запомнилось на всю жизнь, как самое унылое».

Даже они, эти худенькие девочки, с землистыми от недоедания лицами, мечтали о балах, шикарных бальных платьях, шляпах с перьями и графах, которые их похищают.

Начитавшись книг Чарской, бедные девчонки шептались по ночам, а потом весь день клевали носом за своим нудным шитьем.

Бажов так говорил о книгах Чарской: «Они не раскрывают перед читателем подлинной жизни, не говорят о труде, а учат скользить по поверхности жизни, маня легкими удовольствиями, уводят от действительности в царство мечтаний».

Павел Петрович прививал детям любовь к умной, хорошей книге, к произведениям русских классиков. Особенно ценил и любил он Мамина-Сибиряка.

«...Правдивость, на мой взгляд, — самое ценное в творчестве Мамина. По его произведениям дети увидят подлинную жизнь — цепь забот и труда, с редкими радостями; увидят и темные стороны жизни».

Он даже подготовил доклад «Д. Н. Мамин-Сибиряк как писатель для детей» и прочитал его в училище на литературном вечере. Этот доклад потом был

напечатан в «Епархиальных ведомостях». Вот в какие давние годы Бажов заботился о книгах для детей.

Сам Павел Петрович читал очень много. И не просто читал. Он делал выписки из книг, часто возвращался к прочитанному, размышлял над наиболее интересными страницами.

В это время он уже имел большую библиотеку. С детства привык он беречь книги, дорожил ими, бережно с ними обращался. Но для своих учеников книг не жалел — щедро давал читать.

Так и пронес он через всю жизнь свою большую любовь к книге.

Валя Иваницкая

Была в епархиальном училище девочка — Валя Иваницкая. Росла она в бедной многодетной семье. Отец ее был как раз одним из тех семинаристов, которых в свое время исключили из четвертого класса Пермской духовной семинарии «за бунтарство». Тогда сразу исключили чуть не половину класса. В числе изгнанных был и Александр Иваницкий. Это исключение из школы испортило юноше всю жизнь. Любил он музыку, пение, страстно хотел учиться — и все разом рухнуло. Учиться никуда не принимали, да и на какие средства учиться, когда, как тогда говорили, в одном кармане вошь на аркане, в другом — блоха на цепи! И на работу поступить нелегко: кому нужен выгнанный семинарист? С грехом пополам удалось устроиться учителем в деревню. Когда женился, семья стала с каждым годом увеличиваться. С такой семьей невозможно было прожить на его мизерное жалованье. Тогда Александр Иваницкий из-за лучшего заработка и надела земли пошел в церковь — псаломщиком, помощником попа. От отчаяния стал пить. Невеселым оказалось детство Вали, младшей дочери Иваницких. Отец умер совсем молодым. Валу воспитывала одна из старших сестер, ставшая к этому времени учительницей. Она-то и устроила сестренку в Екатеринбургское епархиальное училище.

Училась Валя старательно. Любила писать сочине-

ния, выражая в них не по годам серьезные мысли.

Любила Валя и стихи. В то время было очень модно писать друг другу на память в альбом. Часто туда писали стихи пустые, даже пошлые.

Валя в альбом своей подруге Груне написала так:

Не смущайся в тяжелые годы —
Верь, надейся и жди,
Что луч света, добра и свободы
Взойдет на тернистом пути!..

Учитель русского языка и литературы Павел Петрович Бажов относился к девушке с особым вниманием. А Вале учитель понравился сразу, с первого взгляда, с первого урока.

Незаметно мелькали дни, и приближалось время расставания девушек с училищем, подругами, учителями...

11 июня 1911 года состоялся выпуск — девушкам вручили аттестаты. День был яркий, веселый, солнечный. Павел Петрович и Валя вышли в сад. Там на скамейке под березой состоялся решающий разговор. Завтра Валя должна уехать. Как же быть дальше? Расставаться? Но ведь они полюбили друг друга и решили сохранить свою дружбу навсегда, на всю жизнь. Конечно, о таком серьезном шаге нужно посоветоваться с мамой и сестрами.

На следующий день Валя уехала домой, в Камышловский уезд, а через несколько недель приехал в Ново-Пышминскую и Павел Петрович, чтобы познакомиться с родными своей будущей жены.

Какой это был чудесный день, какая хорошая встреча! Июль, разгар лета. Зелень, цветы, птичье пение, а впереди — счастье...

Вижу я яркий сверкающий день,
Выжженный солнцем Пышминский откос,
На смуглом лице от зонта полутьнь
И мягкую прядь непокорных волос...

Такой осталась эта встреча в памяти Павла Петровича и в его стихах. Да, да, не удивляйтесь, он тогда писал стихи.

А вечером вдруг налетела гроза, как будто напоминая, что счастье не может быть безоблачным, что в жизни будут и невзгоды и нужно уметь бороться с ними,

быть сильными, не довольствоваться только своим уютом, своим благополучием. Иначе Павел Петрович и не думал, иной жизни не представлял. Об этом он взволнованно сказал в стихотворении, которое прислал через несколько дней своей невесте:

В даль потемневшую жадно глядели,
Ярко надежды горели в сердцах,
Думы грядой непослушной летели...
Чудилось, будто то жизни невзгоды
На нас ополчились угрюмой толпой,
К светлому храму добра и свободы
Путь заграждая собой.
Об руку смело идем мы вперед,
Крепкую веру храня.
Рано иль поздно, а все же взойдет
Русского счастья заря.
Если же нам суждено не дойти,
Оба погибнем на честном пути.

Это не просто стихотворение: здесь выражена самая сокровенная мысль автора, раскрыта цель, которую он перед собой ставит, его мечта. «Рано иль поздно, но все же взойдет русского счастья заря...» Всю жизнь посвящает Бажов борьбе за свою мечту, мужественно идет навстречу этой заре народного счастья.

В 1911 году Павел Петрович Бажов женился на Вале — Валентине Александровне Иваницкой. Оба они были молодые и красивые. У нее были задумчивые карие глаза и длинные темные косы. Ей очень шло белое платье и белая вуаль. Вероятно, поэтому до самой старости Павел Петрович любил, чтобы его жена носила белые платья и кофточки.

— Не носи черное — еще успеешь, наносишься... — говорил он.

Скромно отпраздновали Бажовы свою свадьбу в кругу родных Валентины Александровны и в тот же день уехали.

Давним и большим желанием Павла Петровича было посмотреть белый свет, поехать по стране, побывать у моря, о котором он столько читал. Мечтал он об этом давно, давно откладывал деньги. И вот теперь вместе с молодой женой они двинулись в это первое и лучшее свое путешествие.

Павел Петрович и Валентина Александровна очень любили и уважали друг друга. Павел Петрович ласково звал жену Валянушкой. Они прожили душа в душу почти сорок лет. Валентина Александровна оказалась хорошей помощницей, верным другом Павлу Петровичу в его сложной, нелегкой жизни. В самые трудные минуты она поддерживала его и помогала во всем.

Первые годы Бажовы жили вместе с мамой Павла Петровича Августой Степановной в маленьком домике на углу Болотной и Архиерейской (теперь улицы Большакова и Чапаева). Домик был тесный и старый. Когда родилась дочь Оля, пришлось призадуматься над тем, как жить дальше. Решили строить новый дом. Опять пришлось во всем себе отказывать, чтобы собрать деньги. Дом был построен только в 1914 году. Именно в этом доме, который стоит и теперь, который мы знаем и зовем бажовским домом, прошли многие годы жизни Павла Петровича. В нем были написаны его знаменитые сказы.

Дом небольшой, деревянный, в несколько комнат. Одна из них — кабинет Павла Петровича.

Павел Петрович всегда очень много работал. Он интересовался историей Урала, самостоятельно изучал немецкий и французский языки, постоянно и много читал.

В Екатеринбургских архивах Бажов разыскивал документы, связанные с Пугачевским восстанием.

Пугачевым интересовались многие передовые историки и писатели. Они хотели изобразить его правдиво, а не разбойником и бунтовщиком, как называли его царские власти. Первым создал образ Пугачева — народного героя, а не разбойника — А. С. Пушкин в повести «Капитанская дочка» и в незаконченном произведении «История Пугачевского бунта». Судьба этого смелого, умного и энергичного человека, который пытался помочь своему народу, глубоко волновала и Бажова.

Павел Петрович очень любил музыку. И часто по вечерам из окон дома Бажовых доносилось пение и звуки гитары. Валентина Александровна хорошо пела и играла на гитаре — любимом инструменте Павла Петровича.

Всей семьей любили Бажовы ходить в оперный театр, который тогда только открылся в нашем городе.

В Камышлове

В 1914 году началась первая мировая война. Через Екатеринбург двигались эшелоны. Солдаты невесело пели:

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши сестры?
Наши сестры — пики-сабли востры —
Вот где наши сестры...

Жить стало труднее, особенно с большой семьей. Подумали, подумали Бажовы и решили переехать в Камышлов: там и продукты гораздо дешевле, и родные Валентины рядом живут. Так и сделали.

В Камышлове Павел Петрович снова стал преподавать русский язык. Скоро он сдружился с рабочими паровозного депо В. Д. Жуковым и Д. И. Лещевым, рабочими обувной фабрики Подпориным, Удниковым и другими. Это были революционеры-подпольщики. Они стали бывать у Бажовых. Засиживались порой до полночи. Велись горячие споры и разговоры о войне, о положении рабочих, о революционном движении в России, о жизни...

Новые друзья Бажова были малограмотными, и Павел Петрович помогал им учиться, щедро делился с ними своими знаниями, но и они в свою очередь помогали ему овладевать трудной наукой революционной борьбы.

П. П. Бажов всегда с благодарностью вспоминал этих своих друзей-учителей, с которыми он нашел в жизни самую правильную дорогу. Особенно любил он Василия Даниловича Жукова.

«Гости» у Бажовых собирались все чаще, и приходило их все больше. Это становилось опасным. В любое время могла нагрянуть полиция. Тогда решили собираться или в загородном саду, или прямо в железнодорожном депо. Позже кружок установил связь с революционной подпольной группой, организованной солдатами запасного полка, который стоял в Камышлове.

Все ярче разгорался огромный костер революционной борьбы. Революция приближалась.

И вот грянул великий 1917 год.

Тогда Бажов еще не был большевиком. Но под воздействием великих событий, которые произошли в стране, а также под влиянием своих друзей рабочих-революционеров, таких, как Жуков, он понял, где его место и с кем ему идти.

Об этом Павел Петрович так рассказывал писателю М. А. Батину:

«...Я считаю, что мое знакомство с марксистской литературой началось в семинарские годы, потом продолжалось уже в годы школьной работы. Я не могу сказать, что я много занимался этим делом, но основные марксистские книги, имевшиеся тогда, мне были известны. В частности, с произведениями Владимира Ильича я начал знакомиться по книге, которая вышла под фамилией Ильина, — «Развитие капитализма в России». Это было мое первое знакомство с Лениным, а большевиком стал я практически в период гражданской войны».

После февральской революции Бажов работал в комитете общественной безопасности, потом его избрали председателем первого в Камышлове Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

А вскоре в стране произошли такие величайшие события, которые все изменили и перевернули. Павел Петрович Бажов, когда стал писателем, сказал так: «И, вероятно, никаких литературных работ у меня не было бы, если бы не революция».

Октябрьская революция. Сразу вспоминаются строки Маяковского:

Штыками
тычется
чирканье молний,
Матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики.

Это там, в далеком Петрограде. А маленький уральский городок Камышлов еще ничего не знал. Были плотно закрыты ставни. Городок спал.

Но ночью пришла телеграмма. И тут же среди ночи было собрано партийное собрание в кинематографе «Чудо». Это здание еще в первые дни после февральской революции частенько занимали большевики и проводили здесь собрания. На эти собрания приходили не только рабочие, но и солдаты. Из солдат наиболее активными были трое. Одного из них звали Илья. Илья Садофьев. Его потом направили от Совета в дальний Питер с поручением, и он прислал оттуда письмо, в котором сообщал, что задание выполнил, что видел и слышал Ленина, получил ответ на непонятные и волнующие вопросы.

И вот открылось партийное собрание, где обсуждается важнейший документ — полученная телеграмма.

А на другой день эту телеграмму читали на большом собрании рабочих и солдат.

Власть перешла к Советам.

Бажова выбрали в Совдеп — Совет депутатов. В феврале его назначили комиссаром просвещения, а через несколько месяцев — редактором газеты «Известия Камышловского Совета».

Уже гремели залпы гражданской войны, и люди верили в победу, в свою молодую Советскую власть, заботились о будущем. В июне проводилось совещание о развитии промышленности Камышловского района, и комиссар Бажов делал два доклада: «Глина, известняки и минеральные воды» и «Торфяное дело». В этих докладах он говорил о том, что к природным богатствам нужно относиться бережно, по-хозяйски, а не расхищать их, как это делалось при царизме.

Особенно волновала Павла Петровича добыча торфа. Ведь в стране так плохо с топливом. А кроме того, увеличение добычи торфа сохранит лес, а заболоченные участки превратит в луга и пашни.

Вот какими мирными вопросами занимались большевики еще на самой заре Советской власти. Они хотели мира, хотели охранять природные богатства, перестраивать хозяйство. А вместо этого им пришлось брать в руки винтовки. Грозные тучи собирались над молодой Советской Республикой.